

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-67-76

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (ЛАТИНИЗМОВ)

Мазирка И.О., Сорокина Э.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В работе рассматривается проблема семантики слов и структурных компонентов слов, заимствованных из латинского языка, определяемых как «латинизмы». Отмечается, что латинизмы, будучи элементами мёртвого языка, присутствуют в лексической и словообразовательной системах современных национальных языков и при этом со временем не исчезают, а приобретают новые значения и новые оттенки значений, становясь полисемантами. Латинизмы-полисеманты обнаруживают способность функционировать в качестве специальных языковых средств (терминов и терминологических элементов) практически во всех языках для специальных целей, обслуживающих профессиональную коммуникацию в различных отраслях научного знания. Установлено, что многие новые значения полисемантов, уже функционируя в русском языке, не имеют ещё своей лексикографической фиксации.

Ключевые слова: мёртвый язык, латинизм, термин, терминологический элемент, язык для специальных целей, многозначность, полисемант.

ON THE ISSUE OF THE SEMANTIC STRUCTURE DEVELOPMENT OF WORDS OF LATIN ORIGIN (LATINISMS)

I. Mazirka, E. Sorokina

*Moscow Region State University
10A, Radio st., 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article studies the issue of the meaning of words and word structural components borrowed from Latin and defined as 'latinisms'. It is pointed out that, being elements of a dead language, latinisms nevertheless can be found in lexical and word-building systems of modern national languages, however, they do not disappear in course of time, but acquire new meanings and shades of meanings and become polysemantic. Latin polysemantic lexemes appear to be able to function as special language means (terms and terminological elements) nearly in all languages for specific purposes serving for professional communication in various branches of science. It has been found out that many of the polysemantic words meanings, already functioning in a language, have not been fixed in lexicographic sources.

Key words: dead language, latinism, term, terminological element, language for specific purposes (LSP), polysemy, polysemantic word.

Влияние классических языков (древнегреческого и латинского) на развитие современных языков, во всяком случае на формирование их лексических систем, не ослабевает. Традиционно латинский язык относится к числу мертвых языков (см., напр.: [1, с. 532]).

В лексической и в словообразовательной системах современных языков живут (а не просто присутствуют) латинские слова и словообразовательные элементы, заимствованные из латинского языка. С течением времени семантическая структура латинских заимствований наполняется (или дополняется) новыми смыслами, тем самым жизнь данных латинизмов продлевается.

Следует считать справедливым высказывание В.Ф. Новодрановой: «С одной стороны, греко-латинский фонд существует как нечто данное, неизменное, изолированное, «ничейное», по определению А.А. Реформатского, античное наследие, зафиксированное в дошедших до нас памятниках и словарях. С другой стороны, он реально функционирует в виде слов, словообразовательных элементов и моделей во многих языках мира, входя в их словарный состав и создавая в нём особые интернациональные слои. Единицы этого фонда используются разными науками и разными дисциплинами одной науки, поэтому можно говорить не только о международном статусе греко-латинских элементов, но и о том, что в языке науки они создают особый пласт с ярко выраженными межнаучными и междисциплинарными связями» [5, с. 277].

Можно привести массу примеров того, как латинизм, войдя в систему

русского языка, приобретает новые смыслы своего значения, становится жизнеустойчивым компонентом лексики. Так, согласно сведениям, собранным автором «Историко-этимологического словаря русской лексики конца XVIII–XIX века» (автор – В.М. Шетэля [16; 17]), слово «презентация», латинского происхождения, уже широко использовалось в русском языке XIX в. в значении «Предъявление, представление к взысканию денежного документа <...>; представление в суд найденной вещи, прибудного скота, тела убитого и т. под.» [17, с. 53]. И функционировало данное слово преимущественно в юридической (судебной) практике (см. об этом: [12]).

В начале XXI в., согласно словарю Л.П. Крысина, данное слово уже имеет такое значение: «Презентация – публичное торжественное представление чего-л. (книги, фильма и т.п.)» [3, с. 266]. Не трудно заметить, что концептуальная основа семантики слова, выраженная в дефинициях словом «представление», сохранилась, но изменилась его коннотативная окраска, и при этом сменилась сфера использования: слово расширило зону своего функционирования.

В настоящее время данное слово получило дополнительный смысл, который, пока, к сожалению, не зафиксированный словарями, может быть определен следующим образом: **презентация** – это особый вид иллюстративного (дополнительного к докладу, отчету, выступлению) материала, в виде нескольких электронных слайдов.

В настоящее время подобного вида **презентация** широко и разнообразно используется в качестве дополнительного материала, сопровождающего

лекцию, доклад, отчёт, сообщение, создавая особый зрительный эффект, который усиливает восприятие подаваемой информации. Следует отметить, что анализируемое слово используется в новом значении всё чаще и чаще, поскольку *электронная презентация* широко применяется в учебных и рекламных целях, при чтении лекций и проведении семинаров, сопровождает выступления на защитах разных жанров работ (диссертации, отчёты, научные и технические проекты, экономические планы и т. п.).

Можно с уверенностью говорить о том, что слово «презентация» становится междисциплинарным (межотраслевым) термином по той причине, что явление, этим словом обозначенное, в силу внедрения усовершенствованных технических средств в учебный процесс, используется практически во всех видах обучения, начиная от общеобразовательного (школьного) и заканчивая специальным профессиональным (вузовским), а также становится уже обязательным компонентом при обмене профессиональными знаниями на научных и научно-практических конференциях, собраниях, симпозиумах, съездах и т. д.

При сравнении описания слова «презентация», представленного в словаре Л.П. Крысина, и формирующегося нового значения данного слова, можно отметить, что семантическое ядро слова – «предъявление, представление чего-либо» – присутствует в обоих случаях, но при этом утрачена коннотативная окраска «торжественное представление».

Само явление, обозначенное словом «презентация», как *визуальное представление текста, фотографий,*

рисунков, диаграмм, графиков, видеофрагментов, становится всё более распространённым, повседневным, обычным. Необычным, привлекающим внимание становится уже не само явление, а индивидуальные качества технических свойств презентации, использованные автором сообщения. К ним можно отнести особенности используемого звука (речевое или музыкальное сопровождение), особенности поведения изображаемого предмета (статичность или динамика), особенности цвета (однотонность или многоцветность).

Как и любое слово, лексема «презентация», имея описание своего значения в словарях, в живой речи получает новые коннотативные оттенки, ещё не зафиксированные словарями. Данное явление вызывает интерес у многих исследователей. Так, например, И.А. Стернин [13], называя описание лексемы в словаре *лексикографическим значением* [13, с. 486], указывает на то, что в речевом функционировании у лексемы могут быть обнаружены новые значения: «Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объёму меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала, а в речи они практически не актуализируются» [13, с. 487].

Известно, что словесный знак (слово, лексема, лексическая единица) может иметь одно значение, но и может обладать несколькими значениями. Явление *однозначности / многозначности* считается одним из важнейших противопоставлений, лежащих в основе лексико-семантической системы языка.

Неоднозначность лексических единиц является одним из основных проблемных вопросов лексикологии и лексикографии, терминоведения и терминографии, поскольку в совокупность смысловых компонентов, образующих семантическую структуру неоднозначного слова, могут входить такие, которые способны диктовать жёсткие правила и определённые условия функционирования слова в речевой ситуации (например, в профессиональном общении специалистов).

Проблема слов-полисемантов заключается в трудности отделения в его семантической структуре самостоятельного значения от лексико-семантических вариантов, а также в определении границы между многозначностью и омонимией. Чаще всего расчленение полисемантического слова на слова-омонимы происходит в зависимости от субъективной позиции исследователя, от его индивидуального мышления.

Термин «полисемант» не имеет ещё своего определения, закреплённого в лексикографических изданиях, хотя достаточно активно используется уже во многих языковедческих работах. В нашем исследовании мы используем термин «полисемант» в таком значении: полисемант – это слово (лексема, лексическая единица языка), имеющее в своей семантической структуре не-

сколько лексико-семантических вариантов и несколько отдельных значений.

Следует отметить, что лексемы, заимствованные русским языком в разные временные периоды, в *современном русском языке* всё чаще становятся полисемантами. По нашим наблюдениям, самым ярким представителем полисемантов является слово «культура», заимствованное из латинского языка. Данное слово (и его дериваты) наблюдаются в лексических системах всех современных языков. В русском языке лексема «культура» имеет около 500 лексикографических значений (см. об этом: [2, с. 53; 7, с. 19]), которые обнаруживают между собой как полисемичные, так и омонимичные отношения. Данная лексема уже давно превратилась в межотраслевую специальную лексическую единицу, обозначая в каждой научной и научно-практической отрасли своё собственное профессиональное понятие (*материальная культура, национальная культура, духовная культура, зерновая культура, культура поведения, культура общения, культура речи* и т. д.).

Используется данная лексема и в недавно сформировавшейся научной и учебной дисциплине – в теории межкультурной коммуникации. В словаре терминов межкультурной коммуникации (МКК) термину «культура» (вместе с его производными) отведено значительное место (см.: [9, с. 198–220]). При учёте составных терминов, включающих данное слово как неотъемлемый компонент, территория, занимаемая в словаре дериватами с компонентом «культура», значительно увеличивается.

При анализе латинизмов, присутствующих в современном русском

языке, нельзя обойти вниманием лексическую единицу «концепт», этимологически своим происхождением связанную с латинским языком и становящуюся в настоящее время чрезвычайно популярной как в общепотребительном языке, так и во многих отраслях научного знания (см. об этом: [11]). А поскольку каждая научная отрасль знания имеет свой определённый, только ей присущий набор специальных (профессиональных) понятий, в каждой из них лексема «концепт» наполняется своим смыслом.

Высокая степень употребительности во всех языковых сферах функционирования, наблюдающаяся в настоящее время у лексемы «концепт», приводит к неоднозначности в понимании её смысла. Поэтому каждый исследователь, вынужденный использовать данную лексему в своей работе, считает долгом объяснить, в каком из значений он её употребляет. Проблема семантической структуры слова «концепт» присутствует во многих исследованиях (см., напр.: [4; 11; 13; 15]). Исследуя соотносительность понятий «концепт» и «значение слова», Е.В. Урысон пишет о том, что, по её мнению, «понятие концепта сближается с понятием собственно лексического значения лексемы, однако не тождественно ему. И концепт, и собственно лексическое значение лексемы – это некий невербализуемый фрагмент значения слова. Одно из различий между данными понятиями – в исследовательском ракурсе. Концепт – это единица понятийной системы языка, хотя его можно выделять и в значении слова. Поскольку концепт выделяется отчасти в зависимости от исследовательской задачи, то он может совпадать с

собственно лексическим значением лексемы, но может быть и меньше его» [14, с. 104].

Лексема «концепт» переживает высокую степень своей популярности в современной лингвистике, обусловленную стремительным развитием когнитивного направления. Лексикологи и лексикографы озабочены той ситуацией, при которой термины «концепт», «значение», «понятие», «семантика» воспринимаются как синонимы, допускающие взаимозамену.

Интересными представляются такие высказывания И.А. Стернина: «Как значение, так и концепт в равной степени представляют собой результат когниции – отражения действительности сознанием» [13, с. 485]; «Концепт понимается нами как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [13, с. 486].

Продолжая и развивая дальше свою мысль, автор пишет: «При этом значение выступает как *часть концепта*, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном обществе языковым знаком и представляющая собой коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности *часть концепта*» [13, с. 486].

Для нашего исследования важными следует считать слова И.А. Стернина о том, что «даже вся совокупность признаков, полученных из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [13, с. 490].

Следовательно, являясь активным компонентом языковедческих исследований, лексема «концепт» представляет собой одновременно и одно из активнейших орудийных средств анализа (например, в лексикологических, лингвокультурологических, терминоведческих работах) и в то же время сама становится предметом пристального внимания языковедов.

Употребление слова «концепт» в языке рекламы («*концептуальная мебель*», «*концептуальный автомобиль*», «*концепт-кар — это прототип будущего автомобиля*», «*концептуальное белье*», «*концептуальные спальни*»), рассчитанном на восприятие общественным мышлением, следует расценивать как проникновение термина в общепотребительный язык, его детерминологизацию.

По нашим наблюдениям, приблизительно так же развиваются в настоящее время и семантические структуры слов-латинизмов *дискурс*, *парадигма*. Вполне справедливым, на наш взгляд, следует считать мнение Е.В. Сидорова, отражённое в следующем высказывании: «Кажется, сегодня у лингвиста термин *дискурс* больше других способен вызвать раздражение. В последние десятилетия столько написано и столько сказано о дискурсе! Иногда создаётся впечатление, что с каждой

новой публикацией о дискурсе понимание того, в чём состоит его природа, не очень ясное с самого начала, только ещё более запутывается» [8, с. 6]. Думается, что в подобной ситуации обнаруживают себя многие слова-полисеманты латинского происхождения. И обращение к лексикографическим источникам для уточнения семантики анализируемых слов-латинизмов не даёт ожидаемого положительного результата.

Одной из причин изменения семантической структуры слова следует считать влияние индивидуального мышления. Новые значения терминов-латинизмов, введённые в научный обиход как результат *индивидуального мышления*, становятся доступными для восприятия *общественным мышлением*. Согласно проводимым историческим исследованиям, развитие семантической структуры отдельного слова связано с конкретными определёнными реалиями культуры: под влиянием изменившихся социально-культурных условий, а стало быть, и под влиянием всех видов мышления (индивидуального, общественного, профессионального, бытового) в семантической структуре слов появляются новые и исчезают устаревшие смысловые компоненты значения. Таким образом, слова латинского происхождения не просто присутствуют в лексике языка, но и живут и, развивая свою семантическую структуру (чаще всего – увеличивая число смысловых компонентов), становятся консубстанциональными, т. е. способными функционировать в разных отраслях научного знания (см. об этом: [10]).

Вопрос о присутствии морфем латинского происхождения в словообра-

зовательном фонде языка уже давно обсуждается в огромном количестве исследовательских работ. Можно отметить то, что практически во всех работах, связанных с анализом вокабуляра отраслевых терминологий, указывается на значительное количество специальных лексических единиц (терминов), созданных при помощи включения в словообразовательную структуру терминоэлементов латинского происхождения. Так, в научных исследованиях В.Ф. Новодрановой большое место занимает анализ медицинских терминов. Рассматривая терминоэлемент в качестве строительного материала, В.Ф. Новодранова даёт такое описание этого понятия: «Мы понимаем под терминоэлементом не любую значащую часть термина, а регулярно повторяющийся и воспроизводимый элемент сложных терминов, который, как правило, занимает определённое место в структуре термина и передаёт достаточно стабильное обобщённое значение (как классифицирующее, так и модифицирующее)» [5, с. 285].

Во многих отраслевых терминологиях присутствуют словообразовательные терминоэлементы, характеризующиеся высокой степенью словообразовательной продуктивности. Например, в метрологической терминологии высокой продуктивностью обладают латинизмы *-метр*, *-скоп*, *-граф*, в лингвистической терминологии *-ема*, в терминологиях естественных наук *зоо-*, *био-*, *натур-гео-* и т. д. Термины, созданные по известным (закрепившимся) в конкретной терминологии продуктивным моделям, легко запоминаются, удобны в профессиональном общении, обладают прозрачной (или почти прозрачной)

семантикой. Но при этом необходимо указать и на то, что морфемы-латинизмы способны (так же, как и слова) вступать в омонимичные отношения. Например, термин *инсектофон*, созданный В.В. Ощепковой и Е.С. Ражевой [6, с. 73] в качестве обозначения особых лексических единиц, основанных на звукоподражании, вступил в отношения омонимии со словом *инсектофон*, являющимся термином, обозначающим акустический прибор для обнаружения заражённости зерна насекомыми. И всё-таки с достаточной долей уверенности можно предположить, что данный новый термин, вводимый исследователями, получит своё закрепление в лингвистической терминологии, поскольку он органично вписывается в ряд подобных: *зооним* – *зоофон* – *инсектоним* – *инсектофон*.

Следовательно, омонимичными способны стать не только словесные единицы, но и элементы слова – морфемы. Так, по наблюдению известного специалиста в области греко-латинской терминологии В.Ф. Новодрановой, «Сложный терминоэлемент *-логия* в терминах “неология”, “патология” и “филология” идентичен в плане выражения, но имеет различное содержание» [5, с. 279]. Иначе говоря, данный элемент, присутствуя в специальных лексемах, создаёт омонимичные отношения.

Вопрос о наличии латинизмов в лексике современных языков и об особенностях их присутствия не имеет однозначного решения. Латинизмы, будучи элементами мёртвого языка, обнаруживают себя в лексической и в словообразовательной системах всех современных национальных языков. И при этом со временем не исчезают, а приобретают новые значения и новые

оттенки значений, становясь полисемантами.

Латинизмы-полисеманты проявляют способность к функционированию в качестве специальных языковых

средств (терминов и терминологических элементов) практически во всех языках для специальных целей, обслуживающих профессиональную коммуникацию в различных отраслях научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2007. 576 с.
2. Ковлягина С.В. Особенности семантической структуры слова «культура» в английском и русском языках // Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Вып. 7. М., 2012. С. 53–61.
3. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с.
4. Кубрякова Е.С., Дроздова Т.В. Ключевые понятия науки с когнитивной точки зрения // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. трудов / под ред. Л.А. Манерко. Вып. 5. Рязань: Рязанский государственный университет; М.: Институт языкознания РАН, 2007. С. 8–13.
5. Новодранова В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterkuli vocum Latinarum et terminorum*. М.: Языки славянских культур, 2008. 328 с.
6. Ощепкова В.В., Ражева Е.С. Соотношение содержательной структуры терминов инсектоним – инсектофон // Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Вып. 10. М., 2013. С. 73–76.
7. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. М: ИНФРА-М, 2012. 288 с.
8. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 232 с.
9. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова и др.; отв. ред. М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.
10. Сорокина Э.А. Явление консубстанциональности и перевод // Теория и практика перевода. 2008. Вып. 2. С. 63–67.
11. Сорокина Э.А. О слове «концепт» и о термине «концепт» // Лингвистические вопросы профессиональной подготовки современного специалиста в области иностранных языков / под общ. ред. К.Я. Авербуха. М.: МГПИ, 2011. С. 56–64.
12. Сорокина Э.А. Новое в отечественной лексикографии: историко-этимологический словарь русской лексики конца XVIII-XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 5. С. 18–23.
13. Стернин И.А. Значение и концепт: сходства и различия // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова: сб. статей. М.: РУДН, 2006. С. 485–495.
14. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 223 с.
15. Шведова Н.Ю. К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулова: сб. статей. М.: РУДН, 2006. С. 506–512.
16. Шетяля В.М. Историко-этимологический словарь русской лексики конца XVIII–XIX века: в 2 т. Т. 1 (А–О). М.: Прометей, 2014. 444 с.
17. Шетяля В.М. Историко-этимологический словарь русской лексики конца XVIII–XIX века: в 2 т. Т. 2 (П–Я). М.: Прометей, 2014. 494 с.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS Publ., 2007. 576 p.
2. Kovlyagina S.V. [Characteristics of the semantic structure of the word "culture" in English and Russian languages]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Key problems of theory and practice of intercultural communication], 2012, no. 7, pp. 53–61.
3. Krysin L.P. *Sovremennyyi slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 416 p.
4. Kubryakova E.S., Drozdova T.V. [Key concepts of science from a cognitive point of view]. In: *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya. Vyp. 5* [Cognitive linguistics: new problems of knowledge. Vol. 5]. Manerko L.A., ed. Ryazan, Moscow, Ryazanskii. gos. un-t Publ., In-t yazykoznaniiya RAN Publ., 2007, pp. 8–13.
5. Novodranova V.F. *Imennoe slovoobrazovanie v latinskom yazyke i ego otrazhenie v terminologii. Laterkuli vocum Latinarum et terminorum* [Nominal word formation in the Latin language and its reflection in the terminology. Laterkuli vocum Latinarum et terminorum] / RAS, In-t of Linguistics. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 328 p.
6. Oshchepkova V.V., Razheva E.S. [The ratio of the content structure of the terms insectoid – insectation]. In: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Actual problems of theory and practice of intercultural communication], 2013, no. 10, pp. 73–76.
7. Sadokhin A.P. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural communication]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 288 p.
8. Sidorov E.V. *Ontologiya diskursa* [The ontology of discourse]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 232 p.
9. Zhukova I.N. et al. *Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii* [A Glossary of intercultural communication]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2013. 632 p.
10. Sorokina E.A. [Phenomenon of consubstantiality and translation]. In: *Teoriya i praktika perevoda* [Theory and practice of translation], 2008, no. 2, pp. 63–67.
11. Sorokina E.A. About the word "concept" and the term "kontsept". In: Averbukh K.Y., gen. ed. *Lingvisticheskie voprosy professional'noi podgotovki sovremennogo spetsialista v oblasti inostrannykh yazykov* [Linguistic issues of professional training of modern specialists in the field of foreign languages]. Moscow, MGPI Publ., 2011, pp. 56–64.
12. Sorokina E.A. [New in the national lexicography: a historical-etymological dictionary of Russian language of XVIII-XIX century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2014, no. 5, pp. 18–23.
13. Sternin I.A. [The value and concept: similarities and differences]. In: *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira. K 70-letiyu chl.-korr. RAN Yu.N. Karaulova* [Linguistic personality: the text, the vocabulary, the image of the world. To the 70th anniversary of corresponding member of RAS Yu. N. Karaulov]. Moscow, RUDN Publ., 2006, pp. 485–495.
14. Uryson E.V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira. Analogiya v semantike* [Problems of research of the language picture of the world. Analogy in semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 223 p.
15. Shvedova N.Yu. To the definition of the concept as the subject of linguistics. In: *Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira. K 70-letiyu chl.-korr. RAN Yu.N. Karaulova* [Linguistic personality: the text, the vocabulary, the image of the world. To the 70th anniversary of corresponding member of RAS Yu. N. Karaulov]. Moscow, RUDN Publ., 2006, pp. 506–512.

16. Shetelya V.M. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkoi leksiki kontsa XVIII–XIX veka. T. 1 (A–O)* [Historical-etymological dictionary of Russian vocabulary of the late XVIIIth and early XIXth century. Vol. 1 (A–O)]. Moscow, Prometei Publ., 2014. 444 p.
17. Shetelya V.M. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkoi leksiki kontsa XVIII–XIX veka: v 2 t. T. 2 (P–Ya)* [Historical-etymological dictionary of Russian vocabulary of the late XVIIIth and early XIXth century. Vol. 2 (P–I)]. Moscow, Prometei Publ., 2014. 494 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мазирка Ирина Олеговна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: mazirka_den@mail.ru

Сорокина Эльвира Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ellasor@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina Mazirka – D. in Philological sciences, associate professor, professor at the Department of Language theory and English studies, Moscow Region State University;
e-mail: mazirka_den@mail.ru

Elvira Sorokina – D. in Philological sciences, professor, professor at the Department of English Philology, Moscow Region State University;
e-mail: ellasor@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мазирка И.О., Сорокина Э.А. К вопросу о развитии семантической структуры слов латинского происхождения (латинизмов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 67–76.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-67-76

FOR CITATION

I. Mazirka, E. Sorokina. On the issue of the semantic structure development of words of Latin origin (latinisms). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2017, no. 5, pp. 67–76.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-5-67-76